

NORA ROBERTS

THE INN BOONSBORO
TRILOGY

Трилогия
об Инн-Бунсборо:

ОТНЫНЕ И НАВСЕГДА

•

ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ

•

МИСС СОВЕРШЕНСТВО

НОРА №1 NEW YORK TIMES — BESTSELLING AUTHOR РОБЕРТС

ОТНЫНЕ И НАВСЕГДА

ЭКСМО

Москва 2015

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)
Р 58

Nora Roberts
THE NEXT ALWAYS

Inn Boonsboro Trilogy: The Next Always

Школа перевода
В. Баканова

Copyright © 2011 by Nora Roberts
This edition published by arrangement with Writers House LLC
and Synopsis Literary Agency

Перевод с английского *Н. Сечкиной*

Разработка серийного оформления *Д. Сазонова*

Робертс, Нора.

Р 58 Отныне и навсегда / Нора Робертс ; [пер. с англ. Н. Сечкиной]. — Москва : Эксмо, 2015. — 480 с. — (Нора Робертс. Мега-звезда современной прозы).

ISBN 978-5-699-72038-5

Бекетт Монтгомери еще со школьных лет был тайно влюблен в Клэр Мерфи, но не смог с ней объясниться — сразу после школы она выскочила замуж за военного и уехала. И вот прошло несколько лет. Муж Клэр погиб на войне, и ей с тремя сыновьями пришлось вернуться в родной город, чтобы начать жизнь с нуля. Кажется, сама судьба предоставила Бекетту второй шанс...

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

© Сечкина Н., перевод на русский язык, 2013
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

ISBN 978-5-699-72038-5

*Посвящается Джону Рису,
лучшему в мире боссу,
и всему персоналу
отеля «Инн-Бунсборо»*

...И гул предчувствий, и крови шум,
Надежды, обуревавшие ум,
Которым не сбыться уже.

Лонгфелло¹

1

тены особняка стояли как и два с лишним века назад: простые, мощные, крепкие. Сложенные из камня, добытого в горах и долинах, они стали свидетельством извечного стремления человека творить и созидать, плодом неистребимого желания оставить свой след в истории.

Два века люди соединяли камень с кирпичом, деревом и стеклом, расширяя, трансформируя, совершенствуя воздвигнутое здание в угоду потребностям, эпохам и вкусам. Все это время особняк на перекрестке наблюдал, как росли дома по соседству и постепенно скромная улица превращалась в город. Проселочную дорогу покрыли асфальтом; экипажи, запряженные лошадьми, уступили место автомобилям. Моды и стили менялись в мгновение ока, а особняк молчаливо высился на углу площади, словно незыблемая вежа в череде времен.

¹ Лонгфелло Г. У. Моя утраченная юность. Пер. Г. Кружкова. — Здесь и далее прим. переводчика.

Он познал войну, слышал отзвуки канонады, слышал стоны раненых и молитвы объятых страхом, видел кровь и слезы, радость и гнев, рождение и смерть. Он пережил периоды процветания и разрухи, смену хозяев и предназначений, но его каменные стены стояли по-прежнему твердо.

С годами доски изящных двойных террас проседали, известка — потрескалась и осыпалась, от стекол остались лишь осколки. Одного случайного взгляда из окна автомобиля, притормозившего на светофоре у площади, достаточно, чтобы приметить стайку голубей, которые теперь порхали в разбитых окнах. Невольный свидетель разрухи задавался вопросом: что было в этом здании раньше? Но светофор вспыхивал зеленым, и автомобиль уезжал прочь.

Бекетт знал ответ на этот вопрос.

Он стоял на противоположной стороне площади, засунув большие пальцы рук в карманы джинсов. В густом воздухе, насыщенном летним теплом, не чувствовалось ни малейшего дуновения. Машин не было, и Бекетт мог бы пересечь Главную улицу на красный, однако он ждал. Щиты из плотного синего брезента закрывали здание сверху донизу, пряча фасад. Зимой они помогали удержать тепло, согревая тех, кто находился внутри, а сейчас защищали от беспощадных лучей солнца — и посторонних глаз.

Тем не менее Бекетт знал и как все выглядит теперь, и как будет выглядеть по завершении реставрации. В конце концов, он сам спланировал весь проект. Да, вместе с ним в деле еще два брата

и мать, но именно он значится на всех чертежах архитектором и именно эти функции выполняет как партнер в «Семейном подряде Монтгомери».

Бекетт перешел дорогу; в недвижимой тишине глубокой ночи — было три часа — его кроссовки ступали почти бесшумно. Он нырнул под строительные леса и двинулся вдоль здания, по улице Святого Павла, радуясь тому, как хорошо смотрится в свете уличного фонаря обновленная кладка, сложенная из камня и кирпича.

От нее веяло стариной. «Впрочем, она на самом деле старинная, — подумал Бекетт, — в этом отчасти и заключается ее притягательная красота. И все же впервые на моей памяти стена имеет ухоженный вид».

Он завернул за угол, перепрыгнул через засохшую грязь, прошел через обломки строительного камня, разбросанные по будущему внутреннему двору. С этой стороны террасы второго и третьего этажа тянулись ровно, ничуть не покосившись. Изготовленные на заказ планки штакетника — по архитектурному замыслу точные копии тех, что видны на старых фотографиях здания, а также найдены во время земляных работ, — только что прошли обработку и теперь сушились на проволоке.

Бекетт был уверен, что его старший брат Райдер в качестве генерального подрядчика уже распорядился насчет установки штакетника и перил. А знал он это потому, что Оуэн, средний из трех братьев Монтгомери, вечно допекал всех по поводу графиков, календарных сроков, кон-

структорских и бухгалтерских бумаг, а также общал Бекетту о каждом забитом гвозде, хотел того младший брат или нет.

Парень вытащил из кармана ключи. Вообще-то ему нравилось быть в курсе. Старый отель превратился для всей семьи в навязчивую идею. Проект буквально держит его за горло, мысленно признал Бекетт, отпирая грубую временную дверь, за которой начинался будущий холл гостиницы. За горло, за душу и, черт побери, кое за что еще. Ни один из прошлых проектов не трогал его — да и остальных членов семьи — так сильно и вряд ли когда-либо так еще зацепит.

Бекетт шелкнул выключателем. Дежурная лампочка, свисавшая с потолка, вспыхнула и осветила голый бетонный пол, оштукатуренные стены, инструмент, куски парусины, стройматериалы. Пахло деревом, пылью от штукатурки и едва заметно — жареным луком, который кто-то, должно быть, заказывал на ленч.

Утром, когда освещение будет лучше, он осмотрит первый и второй этажи более тщательно. Глупая идея — приходить сюда в такой час: все равно ничего не разглядеть, к тому же он устал как собака. И все же Бекетт не удержался.

...Держит мертвой хваткой, вновь подумал он, минуя широкий арочный проем, каменные своды которого пока что стояли как есть, без отделки. Бекетт включил фонарик и двинулся вперед, к строительной лестнице, ведущей наверх.

Было что-то особенное в этом месте посреди глубокой ночи, когда стихал грохот пневматиче-

ских молотков, жужжание пил, умолкали радиоприемники и человеческие голоса. Что-то неуловимое, беспокойное, заставлявшее волосы на затылке Бекетта вставать дыбом: да, будоражащее и притягательное.

Луч фонаря скользнул по стенам второго этажа. Коричневый цвет напомнил Бекетту о бумажных пакетах для завтраков. Как всегда, отчет Оуэна максимально точен. Рай и его команда закончили с утеплением.

Поначалу Бекетт хотел немедленно пройти наверх, но отчего-то задержался здесь. На его скуластом, резко очерченном лице расцвела широкая улыбка, в темно-синих глазах засветилось удовольствие. «Так держать», — хрипловатым от недосыпа голосом произнес он окружающему безмолвию.

Он двинулся сквозь темноту вслед за лучом фонаря — высокий узкобедрый мужчина с длинными ногами, фамильной чертой Монтгомери, и развевающейся гривой рыжевато-каштановых волос, унаследованных по материнской линии от семейства Райли.

Бекетт напомнил себе, что стоит поторопиться, если он намерен хоть немного поспать, и поднялся на третий этаж. «Есть!» — мысленно воскликнул он, проводя пальцем по аккуратно разделанному шву между свеженавешенными листами гипсокартона. Чистый восторг захлестнул Бекетта и прогнал всякие мысли о сне.

Он осветил фонариком отверстия, вырезанные под электрические розетки, прошел дальше, в будущие апартаменты управляющего гостиницы, и

убедился, что в кухне и ванной также оставлены необходимые отверстия под водопроводные трубы. Какое-то время ушло у архитектора на осмотр люкса, наиболее тщательно разработанного и самого роскошного номера в отеле. Глядя на подвижную стену, которая отделяла просторную ванную, он одобрительно кивнул. «Все-таки ты гений, Бек, черт тебя дери!» А сейчас, ради всего святого, — домой. От усталости и возбуждения у Бекетта кружилась голова, однако, прежде чем спуститься, он еще раз обвел помещение долгим взглядом.

Как вдруг парень услышал *это* на втором этаже. Негромкое пение, явно женское. Одновременно до ноздрей Бекетта донесся аромат. Пахло жимолостью, спелой, сладкой, напоенной летом. В животе у него екнуло, но фонарик уверенно осветил коридор, по обе стороны которого располагались еще не отделанные номера. Бекетт тряхнул головой: и звук, и запах растаяли.

— Я знаю, что ты здесь, — отчетливо проговорил он. — И приходишь не впервые. Да, мы возродим гостиницу к жизни, вот посмотришь. Она того заслуживает. И я очень надеюсь, что тебе понравится, когда все будет готово. Иначе и быть не может.

Архитектор подождал минуту-другую, представив — то ли от избытка фантазии, то ли от переутомления, — что таинственный обитатель этого места, кем бы или чем бы он (она?) ни был, занял выжидательную позицию.

— По крайней мере, — Бекетт пожал плечами, — мы отдаемся делу полностью, и у нас дьявольски здорово выходит!

Спустившись на первый этаж, он обратил внимание, что дежурная лампочка не горит. Бекетт включил ее и снова выключил, опять пожав плечами: нынешний «жилец» не первый раз так шутил.

— Спокойной ночи! — крикнул Бекетт и запер за собой дверь.

Не дожидаясь зеленого сигнала светофора, он зашагал наискосок. На противоположной стороне площади, по диагонали, размещалась пиццерия и семейный ресторан «Веста», а над заведением — квартира и офис Бекетта. Тротуар, полого сбегавший вниз, привел его на парковку, расположенную с торца здания. Парень забрал из кабины пикапа сумку и, решив, что убьет всякого, кто посмеет позвонить ему раньше восьми утра, отпер ключом дверь на лестничную площадку, а затем поднялся на второй этаж, к себе.

Лампу он зажигать не стал — ориентировался и так, по памяти; вдобавок в квартиру проникал отсвет уличных фонарей. Бекетт разделся возле кровати; бросив одежду на пол, рухнул лицом вниз на постель и заснул, все еще ощущая аромат жимолости.

* * *

Сотовый телефон, оставленный в кармане джинсов, зазвонил в 6:55.

— Ах, чтоб тебя!

Бекетт сполз с кровати, нагнулся и выудил из кармана телефон. Не услышав в трубке ответа, сообразил, что прижимает к уху бумажник.

— Проклятье!

Швырнул бумажник на пол, кое-как извлек из недр джинсов мобильный.

— Какого дьявола тебе надо?

— И тебе доброго утра, — отозвался Оуэн. — Выхожу из «Шитца»¹ с кофе и пончиками. В утреннюю смену у них работает новенькая. Между прочим, очень даже ничего!

— Я размозжу тебе башку кувалдой!

— В таком случае останешься без кофе и пончиков. Я еду на участок. Рай, должно быть, уже там. Утренняя летучка.

— Постой, сбор же назначен на десять.

— Ты разве не читал мое сообщение?

— Которое из них? За два дня, пока меня не было, ты накидал тысячу идиотских сообщений.

— То, в котором говорилось, что летучка переносится на семь пятнадцать. Давай, натягивай штаны, — посоветовал Оуэн и нажал на отбой.

— Ч-черт...

Бекетт по-быстрому принял душ и натянул штаны.

Облака, клубившиеся еще с ночи, прочно удерживали жару, поэтому выйти на улицу было все равно что окунуться в теплую реку полностью одетым.

¹ «Ш и т ц» — сеть автомобильных заправок на Восточном побережье США.

Перейдя улицу, Бекетт слышал глухие удары гвоздезабивных пистолетов, звуки музыки, жалобный визг пил. Внутри здания кто-то хохотал как сумасшедший.

Бекетт как раз свернул за угол, когда Оуэн припарковал свой фургон на стоянке позади будущего внутреннего двора отеля. Автомобиль сиял после недавней помывки, серебристые ящики с инструментами по бокам кузова блестели так, что резало глаз.

Оуэн спрыгнул с подножки. Джинсы, белая футболка, заправленная под ремень (а на ремне — чертов телефон, первый помощник Оуэна, который разве что не целует хозяина на ночь... хотя кто знает, может, и целует), и немного сбитые рабочие ботинки. Жесткие каштановые волосы аккуратно причесаны. «У него-то небось было время побрить смазливую мордашку», — обиженно подумал Бекетт.

Брат сверкнул улыбкой, и Бекетту показалось, что глаза цвета меди, скрытые от собеседника солнцезащитными очками, смотрят живо и внимательно.

— Давай свой дурацкий кофе.

Оуэн вытащил из подставки на приборной панели кабины высокий бумажный стаканчик с крышкой, помеченный буквой «Б».

— Добрался до дома только в три часа утра, — сообщил Бекетт и сделал первый большой глоток, вернувший его к жизни.

— Что так?